

Лохи

Затевая, так сказать, сериал на тему «Интеллигенция, Интеллигентность, Интеллигент» — понятия, как известно, слабо формулируемые, то восхваляемые, то, куда чаще, уничижаемые, — предупреждаю: полемики не будет...

*...Не пой ти ли мне в юродивые,
авось буду блаженнее!*

**Пушкин — Вяземскому,
в дни работы над «Борисом Годуновым»**

Одна поп-певица когда-то умилила меня, дав себе характеристику: «Я, — говорит, — нечто среднее между Томом Сойером и Анной Ахматовой». И еще: «Моя врожденная интеллигентность...» Во как. А, скажем, Булат Окуджава на вопрос, интеллигент ли он, ответил: «Не знаю. Надеюсь, что да. Вот умру, тогда станет ясно».

Контраст выразительный. С одной стороны, самоуверенная дама, вполне, как говорится, самодостаточная. С другой — типичный, согласно нынешнему жаргону и массовому сознанию, лох, который и сам не знает, кто он таков. Уж не духовный ли маргинал? Почти юрод — на советский взгляд или тем паче на «рыночный», прагматичный.

Затевая, так сказать, сериал на тему «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, ИНТЕЛЛИ-ГЕНТНОСТЬ, ИНТЕЛЛИГЕНТ» — понятия, как известно, слабо формулируемые, то восхваляемые, то, куда чаще, уничижаемые, — предупреждаю: полемики не будет. Ни с теми, кто подчас ради физического самосохранения стесняется, даже боится причислить себя к этому странному сословию (что понятно после стойкого присовокупления к слову «интеллигент» эпитетов «паршивый», «гнилой», в лучшем случае «размагниченный»). Ни с самодовольством, несравнимым даже с наивным бахвальством певички; пример, допустим, Н.С. Михалков с памятным: «Я не интеллигент, я — аристократ». С добавлением, что образцом аристократизма считает своего отца — именно потому, что тот верно служил всем РЕЖИМАМ.

(Об аристократизме как свойстве в дальнейшем не миновать сказать несколько слов.)

Утверждают: впервые слово «интеллигент» употребил, практически изобретя его, Петр Дмитриевич Боборыкин. Кажется, это не совсем так, но в любом случае именно данный плодовитейший беллетрист поспел вовремя: действительно, в 60—70-е годы позапрошлого столетия оформлялось полусословие-полусообщество, которое и станет именоваться «интеллигенцией». Чьей отличкой окажется, по более позднему определению Николая Бердяева, следующее: «Великие русские писатели XIX века будут творить не от радостного творческого избытка (как, отметим, будто бы творил «ренессансный», согласно философу, Пушкин. — Ст.Р.), а от жажды спасения мира, от печалования и сострадания...».

Когда-то застарелую русскую гордость составляло то, что в американском «Уэбстере» о самом слове «интеллигенция» сказано: по происхождению наше с вами. Хотя... К сожалению, гордость именно устарела. Не имею общеевропейского опыта, но, к примеру, в Дании, где бывал не раз, нет-нет да и начинало казаться, будто бердяевская интеллигенция, считавшаяся исключительно русской, вся сплошь... Не переселилась, не о том речь, но как бы заново восстала в датском обличии. Настолько «печалование и сострадание», в частности, и к судьбам моей страны — то, что у нас поубавилось, поистощилось, — вошло в плоть благополучнейших европейцев. Но это к слову, если даже печальному...

Возвращаясь к формулировке Бердяева.

Стало быть, он полагал, что Пушкин, и заодно декабристы сами еще не являлись интеллигенцией, лишь предваряя ее появление. Хотя, с моей точки зрения, именно в Пушкине запечатлелся процесс преобразования, совершилось чудо: на протяжении одной творческой судьбы пройден путь действительно от «избытка», от «ренессансности», от Парни и Вольтера, от эпикуреизма и «Гаврилады» — к «Борису Годунову», «Каменному гостю», поэме «Тазит», «Пир у время чумы»... И вот умный и сильный царь раздавлен сознанием своего

греха; беспечный соблазнитель, истинный герой Ренессанса, вдруг ощущает неведомую прежде зависимость от любви; кавказский Гамлет, соприкоснувшись с проповедью всепрощения, больше не может мстить кровно и платится за это изгнанием; «чумный председатель» (выражение Мандельштама), опять-таки словно бы выходец из возрожденческого «Декамерона», перестает упиваться своей цинической свободой, сражен страданием и состраданием.

(Между прочим, и с декабристами не так просто. Попытка переворота, с какими бы целями он ни совершался, — это покуда наследие XVIII века с его гвардейскими заговорами. А вот, повторяя за Пушкиным, «гордое терпенье», достоинство, с которым большинство пошло в Сибирь, цивилизуя ее, уже сродни интеллигентскому подвижничеству.)

Пушкин в своей эволюции — прообраз и в некотором смысле образ идеального русского интеллигента, аккурат по Бердяеву. Даже с гиперболизацией — как, впрочем, и положено идеалу — достоинств именно этого типа сознания, например и прежде всего независимости (которую приходится отвоевывать, чудесным образом — пушкинский случай — сохраняя легкость).

Независимости, которой сполна обладает в «Годунове» единственный из всех персонажей — Юродивый.

Легко догадаться, что далеко не только для передачи колорита эпохи понадобилась роль одного из тех, что на Руси бывали прославлены как «люди, принимавшие на себя из любви к Богу и ближним один из подвигов христианского благочестия — юродство о Христе». Как «подвижники», которые «не стеснялись говорить правду сильным мира сего...». И т.д. За неимением под рукой более авторитетных источников обхожусь словарем Брокгауза и Ефрона.

Но тогда зачем же, зачем Пушкину понадобился именно блаженный, так сказать, сверхлох, и что означал этот выбор?

«Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» (Письмо к Вяземскому ок. 7 ноября 1825 г.)

Упорно думают, что «уши» — две реплики Юродивого, брошенные Борису: «Николку маленькие дети обижают... Вели их резать, как резал ты маленького царевича». И: «Нет, нет! Нельзя молиться за царя Ирода — Богородица не велит».

«Недаром именно о юродивом вспомнил Пушкин, когда захотел образно сформулировать оппозиционный характер своей трагедии в известном письме к Вяземскому», — это писал даже серьезнейший пушкинист Г.А. Гуковский.

Оппозиционный? А как же «Хороший дух», на который Пушкин рассчитывал в надежде на «прощение»?

Что до намеков, аллюзий (убийство Димитрия — убийство Павла I, полуодобренное его сыном), цари со своими жандармами могли подозревать, что и кого угодно. Хотя как раз обличения Годунова были вполне в духе официальной историографии: здесь Пушкин не шел далее Карамзина. Даже рецензент Третьего отделения, тайной полиции (предполагается, что Булгарин), перечисляя места трагедии, которые следует исключить, как раз о Николкиных дерзостях о царе Ироде отозвался снисходительно: «...Не подлежат никаким толкам и примечаниям».

Что же до «хорошего духа», то сам Пушкин писал Бенкендорфу, отрицая наличие намеренных аллюзий (образец письма внутренне свободного человека).

«Все смуты похожи одна на другую. Драматический писатель не может нести ответственности за слова, которые он влагает в уста исторических личностей. Поэтому надлежит обращать внимание лишь на дух, в каком задумано все сочинение (подчеркнуто, выделено самим Пушкиным. — Ст.Р.), на то впечатление, которое оно должно произвести. Моя трагедия — произведение вполне искреннее, и я по совести не могу вычеркнуть того, что мне представляется существенным».

Писано по-французски, и слова «произведение вполне искреннее» (*est une oeuvre de bonne foi*) — это чуть переиначенная цитата из предисловия Мишеля Монтеня (Монтаня, как произносили в русском XVII веке, Михайлы Монтаня — в XVIII) к его «Опытам»: «C'est ici un livre de bonne foi, lecteur».

Чего до странности никто не замечал, а это бы многое прояснило.

Тем более что еще раз, уже прямо сославшись, Пушкин процитировал то же в набросках предисловия к «Годунову»: «Как Монтань, могу сказать о своем сочинении: «C'est une oeuvre de bonne foi».

Смысл цитаты обычно яснее в контексте. Вот — Монтень:

«Это искренняя книга, читатель... Я хочу, чтобы меня видели в моем простом, естественном и обыденном виде, непринужденным и безыскусственным... Мои недостатки предстанут здесь, как живые, и весь мой облик таким, каков он в действительности, насколько, разумеется (прелестное примечание! — Ст.Р.), это совместимо с моим уважением к публике».

Вот он, смысл Монтеновой «искренности», «чистосердечности», или, как иногда переводят, «добросовестности». «Хороший дух».

Искренний, добросовестный историк А.С. Пушкин аллюзиями-намеками как раз брезговал (не дворянское дело!). Их у него не могли не искать те, чье криводушие было способом существования и гарантией благоденствия, и сами вышеупомянутые, казалось бы, бесспорно превосходные качества не нравились Николаю с его Бенкендорфом. Напротив. Именно искренность и добросовестность, исключая насильственные трактовки истории в пользу официоза, им-то, официозом, и должны были восприниматься (простите новомодное слово) «фальсификацией истории». Оппозиционерством — весь наш опыт, исторический и злободневный, убеждает: в своем безумии, которое ей кажется логикой, власть не только загоняет в оппозицию тех, кто вовсе туда не стремился, но объявляет оппозиционностью просто-напросто ту же искренность, неумение петь с ее голоса, наконец, здравый смысл...

Чтоб не забыть о нашем Юродивом. Вот уж кто не был способен придать трагедии «оппозиционный характер», и его никак не стоит путать с глашатаем правды, пророком, в какого он превращен оперой Мусоргского, произведением гениальным, но — иной эпохи, принципиально иной эстетики. Где система аллюзий и открытой тенденциозности вошла в творческий метод.

А пушкинский блаженный Николка? А сам Пушкин?.. Смешное сближение, понимаю. Сейчас будет еще смешнее: а нарождавшийся в Пушкине тип русского интеллигента? (Он же, как было сказано, лох.)

Смею предположить: Пушкина вела интуиция гения (да!), гипертрофированная с годами совестью (конечно!), но и еще... Что именно? В общем, и вправду нечто неопределимое, но ведь из чего-то, из каких-то глубин — народа, истории, культуры, наконец, нормальной человеческой совести — произрастало и произошло уникальное до поры явление: РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ. С его ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬЮ.

У Пушкина, как всем известно, народ безгласен, и Юродивый, которому дана древняя привилегия шутов и сумасшедших молоть, что угодно, вовсе не голос его. Откуда у безгласных быть голосу? (К слову: тема не исчерпана, и со временем предполагаю вернуться к юродству, только сознательному, «высокому», как к экстремальной форме отстаивания независимости. Николай Глазков: «Я юродивый Поэтограда». Венедикт Ерофеев.) Значит — я все о Юродивом — память народа? Куда ни шло. Смутная, а все-таки память. Но...

Пожалуй, уже будет не чересчур смешно, если впритык к вышесказанному приведу слова Ключевского: «Интеллигенция не создает жизни и даже не направляет ее. Она не может ни толкнуть общество на известный путь, ни своротить его с пути, по которому оно пошло».

Не обидно ли для амбициозных собратьев?

«Но она наблюдает и изучает жизнь. Из этого наблюдения и изучения... сложилось известное знание жизни, ее сил и средств, законов и целей... Каждый отдельный народ стоит ниже этого научного запаса; не было и нет народа, участвовавшего в общей жизни человечества, который всей своей массой знал бы все, до чего додумалось человечество. Посредницей в этом деле между человечеством и народом должна быть его интеллигенция. ...Интеллигент — диагност и даже не лекарь народа. («Мы не врачи, мы — боль!» — сказал еще Герцен. — Ст.Р.) Народ сам зализает и вылечит свою рану, если ее почувствует, только он не умеет вовремя замечать ее. Вовремя заметить и указать ее — дело интеллигенции...»

Место историком указано скромное, но — свое. Свое — но скромное. Смиряющее амбиции. Так что, к примеру (пример все еще свежий), огорчаться ли, пуще того, удивляться, что интеллигентнейший Марлен Мартынович Хуциев попробовал было одолеть «аристократа» Н.С. Михалкова — и что? В результате унижен, пардон, обосран мстительным победителем, которому на роду — в смысле даже буквальном — написано быть победителем.

«Победа — истина негодяев», — гениально заметил Фазиль Искандер, отчего интеллигент в роли политика непредставим. Да и в роли оппозиционера политике и политикам — с трудом. Тем более оппозиционера профессионального. Иные приоритеты, заставляющие интеллигента быть проигрывающим — «лохом», «лузером» — или быть готовым стать таковым.

Об этом и многом другом — в следующих статьях-очерках, с которыми, если редакции и читателю не наскучу, не замедлю.

Автор: Станислав Рассадин © Новая газета ОБЩЕСТВО, МИР 👁 4907 08.11.2009, 09:39

URL: <https://babr24.com/?ADE=82032> Bytes: 12496 / 12463 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Станислав
Рассадин.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)